

* * *

Мой поезд уходил и уходил.
А я смотрел и плакал – всё по форме.
И пёс дрожал облезлый на платформе,
И лаял вслед составу что есть сил.

Старушка торговала молоком
И пирожками с мясом да с капустой.
И снег ложился вежливо и пусто,
И гладил мир вокзала с холодком.

И чередва вагонов запасных
Ждала своих секунд на рельсах рядом.
Девчонка. И старик с печальным взглядом.
И лесенки. И голуби на них.

Здесь близко – тишина и мрак могил.
Но – верить, ждать и думать, что уеду,
Пуускай, гудками празднуя победу,
Мой поезд уходил и уходил.

* * *

Уйти в леса ли, горы, степи,
За горизонт, за перевал,
Да не пускают, режут цепи,
Хоть сам себя же и сковал.

А ты ко мне бежала рано,
Едва лишь солнце на дворе,
И целовать спешила раны
В моей собачьей конуре.

Я понимал, что это снится...
Не всё ж кошмаров череда,
Когда душили маски-лица
И знал, что больше – никогда.

Я побеждал за маской маску
В ночи чужого декабря,
Всю нерастраченную ласку
Издаю тебе даря.

Гремя цепями, тихо воя,
Стыдясь приблизиться на шаг,
Молил: «С тобою бы, с тобою,
Мой нежный друг, мой верный знак».

Но мне ль страшиться пробужденья
(Хоть знал, что станешь не видна)
За миг такого наслажденья,
За полчаса такого сна?

* * *

Я молю, чтоб просто ты была.
Пусть сухая, гордая, чужая,
Всякий раз уйти не возражая
Навсегда по капелькам стекла.

Я молю, чтоб просто ты была –
Взглядом опечаленным и речью.
Если ничего не смог сберечь я,
Пусть сгорю немедля и дотла.

Я молю, чтоб просто ты была.
Не со мной. Забыв меня, пожалуй.
Снег на плечи, мокрый да усталый.
Снег на вербы, Волгу, купола....

Я молю, чтоб просто ты была.
Господи, ну просто. Под луною.
Где-то в мире, ветром и волною,
Не спасая, к вечности вела.

ЗИМА

В стародавние годы,
когда ещё грелись на печках
(батарей отопленья
не видел наш старый барак),
я сидел у окна
рядом с мамой,
лепил человечка:
ручки, ножки, глаза.
А на улице – вьюга да мрак...

Январь лютовали,
клевали те годы, как крошки.
Мамы нет,
и разобран барак,
и рассыпана печь...
Человечек ты мой.
Мои глазки,
и ручки,
и ножки.
Моё тёплое детство.
Прости, что не смог уберечь.

Во сне проваливаюсь в яму.
Не в силах выбраться на свет,
Сперва зову на помощь маму,
Но вспоминаю – мамы нет.

Зову я папу на подмогу,
Но память глупости несёт:
Отец – он служит только Богу.
Он человека не спасёт.

Тогда тебя зову упрямо.
Пришла, разглядываешь край:
«Хоть глубоко – твоя же яма.
Сам разбирайся, и – прощай».

Зову друзей каких-то давних,
Каких-то юности подруг,
Но – тишина мне плещет в плавнях,
Где камыши, и рядом – луг.

А всё тесней, страшнее муки,
Больней, как в жизни, так во сне...
И сын протягивает руки
Из детства, крошечный, ко мне.

И, как ступени, руки вольно
Меня ведут из ямы ввысь.
Я поднимаюсь. Сыну больно.
А он: «Да что ты, не боись!»

Я знаю, в яму нынче снова
Во сне мне падать, наяву,
Но руки сына, сына слово
Ещё спасают. И живу.

Опять твердят, что я несу пургу...

Да, я несу.

Пургу,

И дождь,

И зной,

И мамин смех в корзинке расписной,

И рыжую собаку на снегу.

И тени на дверях, и крик совы,

И поцелуй твой, робок и горяч,

И пляж, и лес, и тишь, и гром, и плач,

И – вас, как ни противились бы вы.

И если вновь неловко расплещу –

Простите мне:

Несу. А не ищу.